

А. Ю. Большова (Краснодар, Россия)

ДИСКУРС И ЕГО ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ

В статье обосновываются перспективы исследования в лингвистике языкового сознания. Новая – синергетическая – парадигма, опираясь на реальность субъективного мира человека, включающего процесс интерпретирования, открывает возможность описания соотнесённости внешних раздражителей среды с изменениями психики субъекта. Акцент научного поиска делается на исследовании вероятностных связей между психологическими и лингвистическими переменными в рамках лингвопсихологического подхода.

Содержание психического в человеке рассматривается как результат проявления бессознательного, в семантическом вакууме которого соотнесено «нечто» с архетипами коллективного и индивидуального, с внешним миром. Информация понимается как ценностно-смысловой уровень субъекта. Смысловой компонент коммуникации рассматривается как обусловленный бессознательным уровнем. Эволюция сознания направлена на исчерпание содержания бессознательного, что проявляется в росте самосознания человечества.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматическое языкознание, лингвопсихология, интеграция гуманитарного знания, дискурс, первичная семиотическая реальность, проблема понимания, бессознательное, семантический континуум

ANNA YU. BOLSHOVA (KRASNODAR, RUSSIAN FEDERATION). DISCOURSE AND ITS INFORMATION RESOURCES. The paper deals with the perspectives of language perception research in linguistics. A new synergetic paradigm depending on the reality of the subjective world of the person (including the interpretation process) correlates the inductive stimuli from the environment with the changes in the person's mind. The aim of the research is to study the probabilistic relations between psychological and linguistic variables within a linguo-psychological approach.

The content of the person's mentality is viewed as a result of the manifestation of the unconscious. In its semantic vacuum "something" is correlated with the archetypes of the collective and the individual, as well as with the outer world. Information is understood as the valuable and meaningful level of the subject. The notional component of communication is considered to be caused by the level of

the unconscious. The evolution of consciousness is directed towards gaining the unconscious content, which manifests itself in the increase of the mankind's self-consciousness.

Keywords: communicative and pragmatic linguistics, linguopsychology, integration of the humanitarian knowledge, discourse, primary semiotic reality, problem of understanding, unconscious, semantic continuum

Внедрение в лингвистику естественнонаучного или логико-математического подхода, начиная с середины XIX века, было направлено на формирование точного, объективного знания о языке как системе, свободного от интуиции и располагающего строгими доказательствами принимаемых положений и воспроизводимостью результатов. Целью лингвистических исследований становилось расчленение своего объекта на элементарные составляющие и их мысленное интегрирование, получение о языке по преимуществу выводного, непрямого, максимально объективизированного знания, которое отвлечено от производителя и пользователя и формулируется вне ценностных установок. Ориентация на точное знание способствовала развитию системно-структурного языкознания, где «господствует таксономический подход, который предполагает мысленное анатомирование языка, изъятого из среды функционирования, то есть, отвлеченного от общественной практики, расчленение целого на отдельные компоненты с последующей их инвентаризацией и объединением в классы на основе общих признаков, интегрирование в конечном итоге отдельных элементов и их классов в единое целое» (Сусов 1987: 9). И. П. Сусов говорит об изначальном присутствии принципа редукционизма в системно-структурном языкознании, поскольку «это целое ещё не есть реальный язык, пригодный для использования в коммуникативной деятельности людей» (Там же).

Лингвистика исследовала выделенный из коммуникации корпус текстов, а из самих этих текстов выводилась система языка. Текст при этом выступает как конструктивная единица, с помощью которой описываются явления (единицы других уровней языковой системы – фонема, морфема, словосочетание, предложение – также представляют собой инструментарий, используемый на основных и промежуточных ступенях – например, слово-

сочетание находится между словом и предложением). Таким образом, предметом структурно-системного языкознания выступает язык как имманентная сущность.

Предметом коммуникативно-прагматического языкознания является язык, погруженный в общественную практику людей, представляющий собой не замкнутую в себе сущность, а один из важнейших компонентов деятельности людей, направленной на совместное, коллективное постижение и преобразование мира. В аспекте прагматики язык не просто функционирует, а используется людьми для организации взаимодействия между индивидами и группами индивидов, обеспечивая обмен информацией в той степени, в какой на этом специализированы в результате длительной эволюции человека языковые средства. Прагматика как фундамент функционально-прагматической парадигмы лингвистики представляет собой деятельностно мотивированное и личностно ориентированное направление, включающее субъекта, действующего в социальном мире.

С появлением субъекта в коммуникативно-прагматических исследованиях связана проблема понимания, ценностной интерпретации языка в действии. Именно понимание «придает гуманитарный смысл любой человеческой деятельности», «необходимо предшествует предметно-практическому освоению действительности и обязательно выступает его компонентом» (Сусов 1987: 12). Поэтому лингвистическая прагматика, опираясь на принцип деятельности, соответствует гуманистическому направлению в науке.

Прагматическое языкознание может занять свое место в холистической картине мира, в основе которой лежит квантово-релятивистская модель, где мир представляет собой голограмму, паттерн или имплицитный порядок. Если категория материи трактуется как стоячая волна по отношению к физическому телу человека, а сознание его характеризуется поле-волновыми качествами, то «человек выступает той противоречивой сущностью, определяемой как материальное (дискретное) и полевое (континуальное)» (Сухих 2004: 3). Лингвистика в этом случае призвана «вскрыть сущность знакового опосредования сознания человека, качества которого определяют как строй языковой системы, так и языковую ментальность каждой культуры» (Там же).

Язык, являясь исключительным атрибутом человека, позволяет выдвинуть в центр научного поиска коммуниканта с его семио-

тическими возможностями, что в полной мере иллюстрирует антропоцентрическую тенденцию в лингвистике.

В современной гуманистической науке отмечается тенденция в исследованиях перехода от объективистской (номотетической) идеологии к исследованию специфического, субъективного (Сухих 2008). Изучение этого специфического в коммуникации непосредственно связано с субъектом процесса. В связи с этим появляется новая – синергетическая – парадигма, в рамках которой открывается возможность описать соотношенность внешних раздражителей среды с изменениями психики субъекта. Для лингвистики данная проблема только становится актуальной (см работы С. А. Сухих, А. Н. Славской, И. А. Зимней и др.). Специфика знакового воплощения личности в зависимости от внешних факторов среды может быть изучена в рамках лингвопсихологии (Сухих 2008; 2012). Главный акцент научного поиска лингвопсихология делает на исследовании вероятностных связей между психологическими и лингвистическими переменными; субъект рассматривается как психологическое образование, реализующее свой внутренний мир посредством языка – в то время как для прагмалингвистических исследований важен субъект, действующий в социальном мире. В целом, если для XX века было характерно внимание к целостности языкового образования, реализовавшееся в парадигме системно-структурного языкознания, то в XXI веке возникает лично ориентированная деятельностная лингвистическая наука – прагмалингвистика, обратившая свое внимание к человеку, к личностным особенностям его речевой активности. Научная парадигма лингвопсихологии предполагает акцент на субъектном, психическом начале реализации внутреннего опыта в символических структурах.

С позиции антропоцентрического подхода язык существует в структуре языковой личности в качестве её языковой способности и обеспечивает реализацию речевой (устной и письменной) способности (умения) правильно оперировать знаковой системой на текстовом уровне. Текст на стадии его продуцирования представляет собой дискурс, вписанный в конкретную речевую ситуацию. Учитывая две формы опредмечивания сознания – дискурс и движение, можно говорить о лингвопсихологическом понимании дискурса. Наиболее распространенным является толкование термина с опорой на определение Т. ван Дейка: «Дискурс, в широком

смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» (Ван Дейк 1989: 121). Поэтому если с позиций современной прагмалингвистики «дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» (Карасик 2000: 5), то с позиций лингвopsихологии дискурс может трактоваться как первичное коммуникативное событие, «первичная семиотическая реальность, характерными признаками которой выступает ситуативность, субъективность, уникальность, событийность», то есть, «коммуникативное событие, ситуативное и уникальное по своей природе» (Сухих 2012: 223). Дискурс может и должен служить основой для моделирования типа говорящей личности. «Дискурс как главный инструмент самоактуализации и результат коммуникации представляет речевое событие в определенной ситуации, уникальное с точки зрения формулирования коммуникантами своих интенций» (Там же). Определённый характер дискурса возникает не только из-за уровня владения теми или иными языковыми структурами, образования, расового, возрастного или полового различия, профессиональной или социальной принадлежности к какой-либо группе. Этот процесс зависит от внешних и внутренних факторов коммуникации: внешним фактором является стечение обстоятельств в социальной ситуации, внутренним – психоэмоциональное состояние субъекта коммуникации, доминирующий мотив поведения, специфика организации его когнитивной сферы (например, когнитивные стили). Таким образом, именно дискурс можно считать лингвopsихологической переменной.

Роль дискурса в организации информационного пространства может быть обусловлена тем, что «любая символическая система организует семантическое пространство подобно лучу фонаря, «выхватывающего» из темноты нечто, которому придаются контуры зримой реальности» (Сухих 2012: 224). В. В. Налимов, один из

специалистов в изучении бессознательного, исходя из представлений о квантово-релятивистской картине мира, предлагает различать семантический вакуум как аналог бессознательного. На уровне сознания мир представлен как виртуальный текст или таксон, в чем и проявляется этот семантический вакуум. Грамматика этого текста образует бытие человека благодаря категории времени. Эта категория лежит в основе связанности или текстуальности как фундаментального свойства сознания. Нарушение связанности сознания свойственно патологическим его формам (Налимов 1995; Сухих 2012).

Конкретизация языковой личности в её знаковом воплощении открывает новые задачи. В современной науке происходит процесс интеграции знания. Кибернетика как наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе (техническая, экономическая, медицинская, биокибернетика) интегрирует научное знание, в том числе, гуманитарное.

Так, исходными категориями могут выступать информация–энергия–вещество (или опыт–способности–обстоятельства, или сознание–действие–среда, или страдательность–деятельность–определённость) (Гарсия 2004; Сухих 2012). Эта коренная триада – три необходимые и достаточные свойства, делающие возможным индивидуальное живое существование, – не предполагает никакой строгой очерёдности их проявления и никакого порядка соподчинённости. При этом «каждая коренная сторона причастна двум другим и зависит от них, оставаясь при этом особенной» (Гарсия 2004: 10). В различно определяющемся, объективирующемся Мире «человек вовсе не есть высшее из возможных образов жизни мировых монад («венец создания»), не есть что-то совершенно особенное в Жизненном Мире» (Гарсия 2004: 11). Понимание Мира в современных философских исследованиях полагает «существование жизни мощнее человеческой не только на других планетах других звездных систем, но и вне планетарной жизни, то есть, в иных непонятных для нас средах, «сферах» бытия» (Гарсия 2004: 11). Человека следует понимать как энергоинформационную единицу космоса (Александров 1999: 11). Информация в этой связи может быть определена как ценностно-смысловой уровень субъекта (Сухих 2012: 222). «В человеческой психике идея, или информационный уровень, локализуется в бессознательной сфере. И

открытие его для субъекта является процессом самоактуализации и нахождением своей идентичности» (Там же). Необнаружение этих ценностей ведет к замене аутентичных (подлинных, исходящих из первоисточника) смыслов суррогатными, что является одной из причин невротизации личности. Энергия представлена системой значений в психосемантическом пространстве субъекта. Чем более согласована система концептов в семантическом пространстве сознания субъекта с глубинным смыслом бессознательного, тем более психическая энергия сингулярна, то есть, менее рассеяна и плодотворна в функционировании (Сухих 2012: 223). Таким образом, энергоинформационные составляющие психики овеществляются в предметной форме в виде дискурсов и биодинамической ткани движения человека. Качества сознания проявляются через движение, действия, а также поступки. В результате смысловой компонент коммуникации может быть рассмотрен как обусловленный бессознательным уровнем.

Представленное понимание информационных ресурсов дискурса не может быть аргументировано в традициях классического материалистического видения мира. В основе европейской стереотипной культуры лежит детерминистское представление о Мире как некотором гигантском часовом механизме, управляемом причинно-следственными связями (Налимов 1995: 14). Язык детерминистских представлений, основанный на логике, «заставил признать *бытие* логики в самом Мире. Принцип логической непротиворечивости приобрел онтологический статус» (Там же). Стереотипно представленное научное видение Мира – это видение его глазами физических приборов: фотоэлементов, термоэлементов, счетчиков Гейгера. «Квантовая механика охотно согласилась признать роль прибороподобного наблюдателя в эксперименте, но наука отказалась признать роль человека – испорченного механизма – в осмыслении Мира. Объективизм в науке – это понимание Мира не через Человека, а через объективно существующую логику» (Налимов 1995: 15). Человек в этом видении Мира – это «лишь блок вещества, переосложнившийся до того, что овладел логикой, заложенной в основе самого бытия. Человек оказался в ранге микрочасов... Но микрочасы были *испорчены* той субъективностью поведения человека, которая не описывается языком логики» (Там же). Однако для восстановления логического равновесия были приняты меры: «В Ветхом Завете дан Закон,

по которому должен был бы жить человек, но реально существующие люди не подчиняются Закону полностью, поскольку на начальном этапе развития человечества произошло грехопадение, нарушившее автоматизм поведения человека» (Там же).

Гуманистическая парадигма, имеющая в своей основе «романтическую» доминанту, опирается на реальность субъективного мира человека, процесс его интерпретирования. Основными признаками данной парадигмы могут считаться интегративность, парадоксальная логика, вероятностный принцип сопряжения переменных, много-многозначное соответствие между переменными различных уровней, влияние наблюдателя на изучаемый объект. Ядром такой парадигмы целостности, или холотропной парадигмы, является представление о том, что материя или вещество выступает аппаратной реализацией более тонкого уровня организации – энергоинформационного (Сухих 2004). В методологическом плане предполагается, что целое больше его составляющих частей и не сводится к их сумме, отношения между переменными носят вероятностный, акаузальный характер, присущий синергетическому пониманию социально-психологических процессов. Субъект коммуникации опосредует в процессе взаимодействия содержание своего психического, которое, в свою очередь, состоит из сознательного и бессознательного.

Бессознательное не может иметь объективных законов (это было бы проявлением редукционизма в психологии): «Если объективные законы бессознательного действительно существуют и если рано или поздно мы их познаём или хотя бы приблизимся к их пониманию, то бессознательное утратит свой статус – оно будет описываться формальной логикой и управляться через познанные нами законы так же, как управляются ими устройства, созданные нами в физическом мире» (Налимов 1995: 15). «... Мы мало знаем о том, что происходит в нашей внутренней монадической бездне и что влияет на нас в необъятном Общем Мире, при возникновении того или иного *видения, понимания*, вообще при образовании всяческих наших определений, мнений, желаний, предпочтений...» (Гарсия 2004: 16). Наверное нам, по мнению философов, необходимо признать «непроницаемую таинственность основ сущего, непонятную «разделённую данность» *элементов* и вместе их соотносительность и единство, а главное, их «чудодейственность», обеспечивающую это удивительное бытие Мира

вместе с нашей индивидуальной жизнью» (Там же). «... Конечно же, мы существуем не в некоем ограниченном, однопорядковом и мгновенном «сейчас»; мы объемлем *наше* прошлое – «то, чего уже нет» – и *наше* будущее – «то, чего ещё нет» – и бесконечно многое в Универсуме, о чём не имеем понятия. Всё это тоже «невразумительно», – однако ж так происходит. Тайна беспредельна и величественна – вот что мы должны полагать и постоянно иметь в виду, когда приступаем к философскому мышлению, к посильному определению «начал бытия» и осмысливанию вещей, событий, единств, собственного жизненного Пути» (Гарсия 2004: 7).

Но, видимо, человеческое сознание предполагает позитивную изначальную доминанту существования в Жизненном Мире: «Нас существенно интересует, как понимать мир и себя в мире. Те или иные мнения о содержании таких категорий, как «материя», «реальность», «жизнь», «смысл» и прочих подобных не удовлетворяют нас, если общие выводы нам не по душе, если они не укрепляют, не окрыляют» (Гарсия 2004: 20). «Нам очень трудно допустить, что реальная действительность «состоит» из чего-то такого, что в «последней глубине» оборачивается единым Ничем, скажем, «энергичной и творящей пустотой» (Гарсия 2004: 16). Поэтому для нас предпочтительно исходить из понимания того, что «Жизнь не производна и не вечна» и «внежизненного бытия нет» (Гарсия 2004: 11). Только такой подход обеспечивает право на существование бессознательного как источника вероятностного восприятия мира. «Ценностные категории задаются размытыми, вероятностными представлениями, являющимися частью общекультурного коллективного сознания» (Налимов 1995: 22). Известно, что мотивировка поведения человека определяется его ценностными представлениями, а ценность не находится в фокусе внимания формальной логики. Поскольку логика – правила построения истинных высказываний со знаками с дискретным – атомарным – смыслом, постольку она задаёт представление о дискретности мышления, предполагающее поиск прямых физических носителей дискретности в мозгу человека и нейрофизиологического механизма, непосредственно ответственного за абстрактное мышление, даже за творческое: «Стереотипное видение Мира, утверждающее иерархию Мира – представление об элементарных частицах и структурировании их в блоки, – вера в существование единых, фундаментальных законов Мира, в возможность одного-

единственного и непротиворечивого описания Мира, – всё это задано нашим языком» (Налимов 1995: 14), благодаря дискретным единицам которого содержание сознания становится объективированным для другого.

Существенным в этой связи является понятие текстуальности как атрибута сознания, ибо связанность мироощущения обеспечивается текстуальностью сознания (Сухих 2012). Понимание континуальности нашего сознания лежит в основе построения вероятностной модели языка (Налимов 1979). Согласно вероятностной теории, случайная величина задана, если задана её функция распределения. То есть, в рамках этого описания мы вполне сознательно отказываемся от причинно-следственной трактовки наблюдаемых явлений и нас удовлетворяет чисто *поведенческое* описание явлений. «Функция распределения – это описание поведения случайной величины, без всякой апелляции к тому, чем это поведение вызвано» (Налимов 1995: 16). Основное проявление вероятностного глубинного семантического кода – размытость описания, когда мы можем говорить лишь о вероятности попадания значения случайной величины в некоторый интервал значений.

Авторы вероятностной теории отмечают, что в организации функции распределения громадную роль играет культура со всеми своими устремлениями и ценностными представлениями. Своё воздействие на человека культура теряет в случае его смерти. Сознание, имеющее дискурсивный характер и характеризующееся такими атрибутами, как спонтанность, интенциональность, текучесть, диалогичность, текстуальность, теряет свои свойства, свой способ существования. «Человек оказывается лицом к лицу с космосом в его трансцендентном проявлении. Каждый ли способен выдержать эту встречу, или кто-то обречён вернуться в своё дочеловеческое прошлое? Отсюда представление об *аде* как о состоянии неподготовленности» (Налимов 1995: 24). Такое же состояние наблюдается у людей с психической патологией: «психиатрические лечебницы современности – это ли не метафора ада?» (Там же). Однако и в этом случае «Единое – неизменное сверхжизненное единство всех соотносительных и изменчивых живых единств многого, обнимающих в своей совокупности Всё, а это Всё – Бездна», где нет начала и нет конца, существование безначально и бесконечно (Гарсия 2004: 7).

Содержание психического в человеке определяется как результат встречи бессознательного, в семантическом вакууме которого соотнесено «ничто» с архетипами коллективного и индивидуального, с внешним миром. При этом бессознательное получает статус виртуального текста. Механизмом преобразования бессознательных энерго-информационных структур, континуальных по своей природе, в сознательные или дискретные символические структуры выступает мышление (Сухих 2011).

Исследователи в области бессознательного говорят о том, что «тексты нашей культуры, несмотря на всю их уникальность, - это только переводы с одного и того же Текста», а также «если быть осторожнее, то достаточно говорить о том, что тексты различных языков Мира связаны между собой семантически через вселенское семантическое поле» (Налимов 1995: 27).

Культура как глубинное *коллективное сознание*, уходящее своими корнями в необозримо далекое прошлое, - «образует размытую мозаику представлений, над которыми задана функция распределения вероятностей. <...> Реально существующие люди обладают своими индивидуальными, то есть, вероятностно заданными фильтрами пропускания. Прохождение коллективного сознания через индивидуальный фильтр порождает *персональное*, опять-таки вероятностно заданное, восприятие культуры» (Налимов 1995: 20).

Вероятностная модель языка смиряется с размытым смысловым полем слова: «сами слова, на которых построена вся наша культура, не имеют и не могут иметь атомарного смыслового содержания». При восприятии происходит вероятностное распределение смысла этого размытого смыслового поля, то есть, - одного из возможных смыслов, над которыми задана функция распределения вероятностей и которые обусловлены особенностями воспринимающей личности: человек выступает в данном случае как вероятностный приёмник информации.

Признание за Миром права выступать перед нами в размытой - вероятностно возвышенной манифестации придает особую силу нашему сознанию именно в его непохожести на логически действующее устройство (Налимов 1995: 27).

Континуальное рассматривается как главное свойство бессознательного, в основе которого лежат первообразы-архетипы, организованные по принципам парадоксальной логики, свойствен-

ной квантовому представлению реальности. При этом «напряженное Единое, *различно-неизменное*, ... проявляет себя, разнообразно «струясь» в самом себе из бесчисленных *средоточий*, постоянно обнаруживая и исключая возможное и невозможное. Эти-то взаиморазличающиеся средоточия – умы – и «струи» полагаемого-и-отрицаемого и составляют разнообразное бытие бесчисленных «частных представлений» *Единого – единиц Единого, монад*» (Гарсия 2004: 7).

Нереальное может стать реальностью, если окажутся снятыми те ограничения, наложенные западной культурой на восприятие Мира, которые сделали возможным её развитие во всем её богатстве и величии. «В физике микромира волновая функция задаёт только *возможность* того или иного поведения электрона в заданных макроусловиях, субатомные частицы не существуют безусловно в определённых местах, а скорее обладают тенденцией к существованию; на уровне микромира события не случаются с безусловной необходимостью, а имеют тенденцию происходить; в этом мире любой наблюдаемый объект существует не изолированно, а лишь как взаимодействие процесса подготовки эксперимента и самого измерения. Здесь современное вероятностное видение Мира удивительным образом переключается с представлениями Востока» (Налимов 1995: 26).

Таким образом, сознание человека, развиваясь и проявляясь через движение, постепенно приближается к постижению того, что «... наверное, существует какая-то неприступная и величественная Тайна, и... как бы ни изошряли свой ум, ни увеличивали и утончали научные знания – мы остаемся слепыми к бесконечно многому; нужно принять, что все эти наши протоны, нейтроны, электроны, кварки, температуры, давления, скорость света, реликтовое излучение, черные дыры, галактики, метагалактики и т. п., имеющие для нас *определённое жизненное значение*, ... могут потерять своё значение, свою силу, свою «истинность» в жизни будущих поколений более развитых людей, или в жизни существ иного рода, иных уровней Бытия. ...

Для неведомых нам и невообразимых для нас существ не нашего мира (в узком смысле этого понятия) может оказаться, что «расстояний» между звёздами и галактиками не существует, – хотя эти существа по-своему различают звезды и галактики; эти существа способны мгновенно оказаться в любом месте нашей Все-

ленной, без всякой техники, могут с особым удовольствием расположиться в середине звезды, скажем, «заряжаясь» от неё, или же «очищаясь» (причём определяемые нами «чудовищные температура и давление» для них не существуют или суть нечто иное, безвредное для них); могут по желанию стать любым существом, которое ниже их в иерархии Жизненности, и испытывать его образ жизни, оставаясь теми же высокими существами (подобно тому как каждый из нас может вспомнить себя ребенком, вообразить себя героем и т. д. ...); могут незаметно для нас (или, во всяком случае, непонятно для нас) в некоторой мере управлять нашей жизнью (подобно тому как мы управляем животными и растениями, экспериментируем с бактериями и проч.); они живут «вечно» (причем у них нет такого понятия: оно тоже специфически-человеческое), и им не свойственно размножение... И так далее и тому подобное» (Гарсия 2004: 25-26). Возможно, семантический объём бессознательного в редуцированном виде содержит указанную и подобную ей информацию.

В процессе коммуникации при столкновении с «другим» членом социума происходит актуализация текста, то есть, это и есть событие, манифестируемое дискурсом. Эта актуализация зависит от индивидуального фильтра, который избирательно пропускает содержимое бессознательного в сферу семиотической определенности (Сухих 2011: 29). Дискурс характеризуется связанностью, которая обусловлена символичностью – так возникает ассоциативность. Гармония достигается, когда индивидуальное мировидение уступает место достижению общего мировидения. Таким образом, теория дискурса может быть представлена как теория конверсации.

Взаимодействие между субъектами в коммуникации осуществляется на основе конвенциональности первого и второго порядков, организующих семиотические и социальные системы. Понятие конвенциональности было заимствовано лингвистикой из логики и философии позитивизма в качестве объяснительного принципа взаимодействия людей. Содержание сознательного подчиняется линейному принципу презентации и обусловлено социальными конвенциями. Семиотические системы при этом выступают как инструменты реализации энерго-информационных структур живых систем. Под конвенциональностью понимают социальное измерение регулярных человеческих действий, им-

плицитную систему правил, ожиданий и поведения. Коммуникативная деятельность опирается на *конвенциональность как первого порядка*, представленного системой грамматических правил, так и второго порядка, представленного символическими правилами поведения.

Особенности речевой деятельности сигнализируют об эволюционном уровне человеческого сознания, которое понимается как синергетизм двух сфер: сознательного и бессознательного в человеке (Сухих 2012: 225). Основная линия эволюции сознания направлена на исчерпание содержания бессознательного, что проявляется в росте самосознания человечества: «Самосознание отдельного человека, возвращение индивида к основе человеческой сущности, к своей собственной сущности и её индивидуальной и социальной определённости есть начало для исцеления от слепоты, которая правит сегодняшним днём» (Юнг 1994: 30).

Таким образом, если прагмалингвистика в определенной степени изучила проблемы поведения языкового субъекта в социуме, то за её пределами остается процесс понимания, перспектива исследования которого может быть осуществлена с использованием идей и принципов синергетики. В этой связи исследование информационного потенциала дискурса предполагает работу в синергетической парадигме научного знания. До настоящего времени языковое сознание как часть психики было исследовано лишь отчасти психологами, но не лингвистами. Дискурс как актуализированный текст, понимаемый как проявленное сознание, может получить прочтение в рамках лингвопсихологического подхода со своей феноменологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, И. А. Космический феномен человека: человек в антропном мире. – М.: Издательство «АГАР», 1999. – 432 с.
2. Ван Дейк, Т. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 310 с.
3. Гарсия, Д. Мироззрение. Новая монадология. Изд. 2-е, испр. и перераб. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 374 с.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса//Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

5. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. – 303 с.

6. Налимов, В. В. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного / В. В. Налимов, Ж. А. Дрогалина. – М., 1995. – 432 с.

7. Сусов, И. П. Лингвистика между двумя берегами // Языковое общение: Единицы и регулятивы: Межвуз. сб. научн. трудов / Калининский гос. ун-т. – Калинин, 1987. – С. 9-14.

8. Сухих, С. А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар: ЮИМ, 2004. – 156 с.

9. Сухих, С. А. Лингвистика на пути к реальному субъекту коммуникации // Филология как средоточие знаний о мире: Сб. науч. тр. – М.; Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. – С.185 – 190.

10. Сухих, С. А. Континуальное и дискретное в символической сфере субъекта // Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы III Междунар. науч. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – С. 28-29.

11. Сухих, С. А. Текст как единица междисциплинарных исследований // Филология как фундамент гуманитарного знания: Сб. науч. тр. – Книга 2. – Краснодар, 2012. – С. 221-230.

12. Юнг, К. Г. О психологии бессознательного. Предисловие ко второму изданию. 1918 г. // Карл Густав Юнг. Собрание сочинений. Психология бессознательного / Пер. с нем. – М.: Канон, 1994. – 317 с.

Анна Юрьевна Большова
Кубанский государственный университет
ул.Темрюкская,60,кв.38, Краснодар, 350047
Российская Федерация
bol_ann@mail.ru

Anna Yu. Bolshova
Kuban State University
Temryukskaya 60-38, Krasnodar, 350047
Russian Federation
phone: +7 (861) 222 38 77